

Копирование, тиражирование
и распространение материалов,
содержащихся в книге,
допускается только с письменного разрешения
правообладателей.

THE DOG WHO SAVED THE WORLD

Text copyright © Ross Welford 2019

Translation © 2021 Translated under licence from HarperCollinsPublishers Ltd

The author asserts the moral right to be identified as the author of this work.

Росс Уэлфорд

Собака,

которая
спасла

МИР

Москва
2023
BOOKS!

УИТЛИ-БЭЙ, НЕДАЛЁКОЕ БУДУЩЕЕ

На стене моей спальни висит постер в рамке, который подарил мне на день рождения папа. Я вижу его каждое утро и каждый вечер, так что знаю наизусть.

СОБАЧЬИ МУДРОСТИ

Не доверяй тому, кто не любит собак.

Если то, что тебе нужно, находится глубоко,
продолжай копать, пока не найдёшь.

Не кусайся, если рыка достаточно.

Люби людей, невзирая на их недостатки.

Встречай каждый день, виляя хвостом.

Будь смелым, несмотря на свой размер.

Учись новым трюкам,
несмотря на свой возраст.

Если у кого-то плохой день, молчи,
сядь рядом и нежно ткни его носом.

Всё это правда. Каждое слово. Как я выяснила прошлым летом, когда миру едва не настал конец.

ЗНАКОМСТВО

Леди и джентльмены, мальчики и девочки, позвольте познакомить вас с (барабанная дробь...):

Мистером Мэшем: Собакой, Которая Спасла Мир!

Я люблю его больше всех на свете. Знаю, это звучит сурово по отношению к папе и Клему, но я думаю, они поймут, особенно после того, что случилось тем летом.

Мы не знаем точно, сколько ему лет, как он стал бродяжкой или даже какой он может быть породы. У него лохматая шерсть — серая, коричневая и белая — и свисающие кончики ушей. Морда у него милая и любопытная, как у шнауцера, глаза большие и добрые, а хвост сильный и виляющий по любому поводу, как у лабрадора.

Другими словами, он мешанина из пород. Когда мы забрали его из приюта Сент-Вуф, викарий

сказал, что я могу сама дать ему имя, так что я сказала «Мешанина», но, поскольку он мальчик, он стал мистером Мэшем.

Мистер Мэш: мой самый лучший, очень глупый друг. Его язык слишком велик для пасти, так что мистер Мэш часто просто вываливает его наружу, отчего вид у него становится ещё более бестолковый. Он совершенно не умеет различать, съедобный перед ним предмет или нет, так что ест всё подряд. Что, в свою очередь, означает, что он страдает от, как это называет викарий, «пускания ветров».

Мягко сказано. «Тихий ужас», — говорит папа.

«Отвратительно», — говорит Джессика, но он ей всё равно никогда особо не нравился.

Без мистера Мэша миру мог бы прийти конец.
Серьёзно.

ЧАСТЬ

ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Шесть часов тёплого летнего вечера. Мы с Рамзи Рахманом таращимся на задний вход в развлекательный центр «Испанский Город», не решаясь постучаться. Мистер Мэш только что сожрал эскимо, которое кто-то уронил на тротуар, и теперь облизывается: он не прочь полакомиться ещё одним. Даже деревянную палочку слопал.

В белой стене перед нами — массивная стальная дверь в два человеческих роста, одна из тех, которые настолько велики, что в них врезают ещё одну дверь нормального размера. В середине нормальной двери — кажущейся здесь совершенно не к месту — приделан металлический дверной молоток, который прекрасно смотрелся бы на двери особняка с призраками. Молоток зелёный, в форме головы оскалившегося волка.

Мистер Мэш смотрит вверх, на волчью голову, и щерится, но рычать не рычит.

За углом, на набережной, прогуливаются мужчины в шортах с детьми в колясках; по береговой

дороге, рокоча, проезжают машины с затемнёнными окнами; а по велосипедной дорожке катаются люди на великах из бесплатного проката. Рамзи тычет меня в бок и кивает на старшую сестру Саскии Хеннесси в одних только бикини, шлёпанцах и мурашках, шагающую к пляжу со своими друзьями. Я опускаю голову: не хочу, чтобы меня узнали.

Небо над нами ярко-синее, каким бывает ближе к вечеру, а погода такая жаркая, что даже чайки укрылись в тени. Рамзи, как обычно, пританцовывает от радостного волнения, и я чувствую, что должна его успокоить.

— Рамзи, — терпеливо говорю я. — Мы просто навещаем пожилую леди. Она, скорее всего, одинока и хочет угостить нас чаем со сконами или чем-то таким. Показать фотки своих внуков. Мы немного побудем вежливыми, а потом сможем уйти на все четыре стороны. Это *не* приключение, если только ты не очень странный человек.

Рамзи смотрит на меня взглядом, в котором читается: «Но я *и есть* очень странный человек!»

Наконец я поднимаю волчью голову — шарниры у неё прямо на челюстях — и ударяю ею о дверь один-единственный раз. Резкий стук отдаётся куда более громким эхом, чем я рассчитывала, и Рамзи подпрыгивает.

Его глаза сияют от волнения, и он шепчет мне:

— Чай, сконы и *приключение!*

Доктор Преториус, должно быть, поджидала нас, потому что стоило мне постучать, как мы услышали

скрежет нескольких открывающихся задвижек, и дверь с очень удовлетворительным скрипом распахнулась. (Я вижу, как улыбается Рамзи: он был бы очень разочарован, если бы дверь *не* заскрипела.)

Теперь, чтобы его восторг стал полным, *должен* был бы раздаться раскат грома, а вспышка молнии — осветить доктора Преториус в длинной чёрной мантии, произносящую: «Приветствую вас, смертные» или что-то в таком духе.

Вместо этого кругом по-прежнему ярко, солнечно и даже ни чуточки не пасмурно, а на докторе Преториус — длинной и тонкой, как кошачий хвост — тот же суконный пляжный халат, что был сегодня утром, когда мы встретились.

Она говорит лишь:

— Привет, — со своим гортанным американским акцентом. Только это: «Привет».

Потом она поворачивается и идёт внутрь помещения, похожего на огромный тёмный склад. Своей пушистой седой причёской и стройным тёмным телом она напоминает мне волшебную палочку.

Она проходит несколько шагов, прежде чем остановиться и повернуться к нам с Рамзи.

— Ну? Чего ждём? Последнего поезда в Кларксвилл? Заходите. И псину заводите, раз уж притащили.

На противоположной стороне захламлённого склада обнаруживается узкая металлическая лестница, ведущая к платформе с перилами.

Доктор Преториус не ждёт, чтобы посмотреть, идём ли мы следом, так что я оглядываю пыльное помещение с высокими потолками, в котором мы оказались. Тут стоят коробки, кирпичи, мешки с цементом, приставные лестницы, доски, маленькая бетономешалка, кожаный диван, приподнятый с одного конца, и строительный контейнер с щебнем. Есть и всякие другие вещи: лошадиное седло, автомобильное сиденье, барные стулья, велотренажёр, здоровенная кофемашина для эспрессо и что-то размером с колесо от старинной кареты, лежащее на боку и полуприкрытое пыльным синим брезентом.

Рамзи тычет меня в спину и указывает на это.

— *Пс-ст.* Глянь на этот коптер-дрон!

Я, конечно, слышала про коптеры-дроны и смотрела на Ютубе ролики, как люди их испытывают и всё такое, но в жизни ни разу не видела. Я думаю о том, как Клем обзавидуется, если узнает, что я увидела такой раньше него. Потом я вспоминаю: мне нельзя никому рассказывать, что я была здесь.

Доктор Преториус говорит:

— ... мой зелёный молоток-волк — нравится он вам? Это называется патина, или вердигри. Означает «зелень Греции» со старофранцузского. Это карбонат меди, появляющийся из-за того, что медь окисляется на солёном воздухе. Прямо как Статуя Свободы. Но вы же знали это, не так ли?

Мы ничего не говорим, просто идём следом за ней по лестнице, то и дело с любопытством

оборачиваясь на склад и то, что могло быть — или, что вероятнее, не быть — коптером-дроном.

Доктор Преториус останавливается на вершине лестницы и оборачивается.

— *Не так ли?*

— Ну да. Конечно, — отвечает Рамзи, воодушевлённо кивая.

— Лжец! — рывкает она и мотает длинным коричневым подбородком в его сторону. Я замечаю, что седой ореол её афро-кудряшек дрожит, когда она говорит, и замирает, когда она замолкает. — Какова химическая формула карбоната меди?

Бедный Рамзи! Уголки его губ опускаются. Он, конечно, умный, но не *настолько* умный.

— Эм... эм...

Доктор Преториус снова поворачивается и шагает по металлическому пролёту, полы пляжного халата развеваются за её спиной.

— CuCO_3 , — бросает она через плечо. — Чему вас вообще учат в этой вашей школе, а? Всё самоуважение да глобальное потепление? Ха! Давайте, не отставать!

Мы семеним за ней следом, когти мистера Мэша клацают по металлическому полу.

У пары двойных дверей в центре длинной изогнутой стены доктор Преториус останавливается и поворачивается к нам лицом. Она глубоко вдыхает, а потом заходится в приступе кашля, который длится будто целую вечность. В какой-то момент она едва не сгибается пополам, надрывно